

Кому светят московские фонари?

Утром 30 апреля 1964 года, отец по дороге в Кремль останавливается на Арбатской площади. Там накануне Первая заканчивают последние работы в транспортном туннеле, обрамленном целой сетью подземных пешеходных переходов. Получилось хорошо, и отец не преминул вспомнить, как он впервые заговорил с москвичами о подземных транспортных развязках и как москвичи тогда сопротивлялись. Присутствовавшие московские начальники дружно согласились с отцом. Движение по туннелю открылось тем же вечером.

С Арбатской переехали на площадь Свердлова (Театральную), где тоже подготовили к сдаче паутину подземных переходов с выходом не только на поверхность, но и впервые в московской практике к станциям метро. Затем пешком прошли по улице Горького к новой гостинице Минск. Осмотром отец остался доволен.

Как и полагалось тогда, за отцом неотрывно следовал московский партийный секретарь Николай Егорычев со своей неизменной записной книжечкой, в которую он прилежно записывал все, что говорил отец. Для проверки исполнения.

В ЦК они возвращались вместе. Здание Московского комитета партии размещалось бок о бок с цековским, и отец предложил подвезти Егорычева. В 10.30 утра они вошли в кабинет отца и расположились за длинным столом для заседаний, отец – в торце, Егорычев – сбоку, рядом.

Отец поинтересовался, сколько москвичи введут в строй жилья в 1964 году. Что ответил тогда Егорычев, я не знаю, а вот много лет спустя – историку Леониду Млечину он назвал миллион квадратных метров. Дальше цитирую это интервью.

«— Сколько? Сто тысяч? – недоверчиво переспросил Хрущев.

— Миллион, – Никита Сергеевич.

— Мы когда-то мечтали сто тысяч вводить. Слишком хорошо Москва живет!» В этот момент, по словам Егорычева, Хрущев соединился с председателем Госплана и приказал сре-

затя Москве центральное финансирование, а деньги передали другим регионам. Москвичам, которые всегда жили богаче прочих россиян, Хрущев предложил компенсировать «недостачу» за счет строительства кооперативов. В результате по стране в целом увеличивалось общее количество квадратных метров вводимого жилья.

Напомню, еще год назад отец настойчиво «рекомендовал» Егорычеву сосредоточиться на кооперативном строительстве и пообещал через год проверить.

Егорычев тогда заверил, что «перестроится», но ничего не сделал. Обижаться Егорычеву следовало только на самого себя.

Николай Григорьевич рассказал Млечину, как он ловко выкрутился из положения: кооперативным способом «освоил» всего полмиллиона квадратных метров, а на оставшуюся сумму обложил данью «богатых московских министров».

Егорычев оговорился, упомянув не предприятия, а «министров», но министерств тогда не существовало. Они вновь появятся только в 1965 году.

«— Хрущев, когда в последний раз отдыхал в Пицунде (в октябре 1964 года), позвонил мне оттуда, — продолжает Егорычев, — спросил, как москвичи строят? Ему кто-то доложил, что, несмотря на запрет, строительство продолжается. Если бы его не скинули, он бы меня с работы снял».

Вполне вероятно, но только не за строительство, а за несанкционированное использование бюджетных денег, незаконное изъятие их из фондов развития предприятий и перекачки в городской бюджет, за неисполнительность и нераспорядительность, неспособность в полном объеме привлечь деньги населения. Так что и тут Николай Григорьевич напрасно обижается.

Обижается напрасно, а напраслину возводит на отца с умом. Таким образом, он задним числом пытается оправдать свое участие в заговоре против отца: он-де и волонтерист, да и с реалиями жизни уже справиться не мог. Я уже писал, что эту стратегию избрали и Шелепин, и Семичастный, а Егорычев из их группировки.

Вот только в цифрах Николай Григорьевич несколько напутал. В надиктованных воспоминаниях отец по памяти приводит объем запланированного Москве на 1964 год жилья — около 3,8 миллионов квадратных метров из 45 миллионов квадратных метров по всей стране, примерно 130 тысяч малогабаритных квартир. «Это по прежним временам головокружительная цифра, — восхищается отец. — Дореволюционная Москва за всю свою историю построила 11 миллионов квадратных метров, а до войны мы ежегодно строили не больше 100 тысяч квадратных метров жилья, за 1949 год, ко времени моего возвращения с Украины в Москву, там сдавали около 400 тысяч квадратных метров». На миллион квадратных метров москвичи вышли еще в 1956 году, задолго до Егорычева. Так что о ста тысячах квадратных метров отец мечтал в году 1936-м и в 1964-м Егорычеву тоже не завидовал, а гордился общими достижениями.

Конечно, Егорычев мог и забыть, сколько жилья построили в 1964 году, миллион или почти четыре миллиона. В отличие от отца, он к этим цифрам не «прикипел». К сожалению, современные историки рассказанные им «истории» не проверяют.

После смерти Егорычева москвичи выпустили книгу воспоминаний о своем бывшем руководителе «Н. Г. Егорычев — политик и дипломат». В ней воспроизводится приведенное выше интервью, но с редакторской правкой, согласно которой миллион квадратных метров — это жилая площадь, сданная москвичами за первые четыре месяца 1964 года, а общее годовое задание указывается правильно: 3,6 миллиона квадратных метров.

Интересно, что в этой же книге воспроизводится аналогичное интервью Егорычева об этажности жилищного строительства. «Почему вы строите пятиэтажки? — недовольно спросил Хрущев и начал выговаривать мне (Егорычеву. — С. Х.) за расточительство». Последовало объяснение, в ходе которого автор объяснил Хрущеву, что на самом деле они строят не

пятиэтажки, а «жилье в девять-двенадцать этажей, улучшенного качества, и все это за счет внутренних ресурсов». – «Почему я этого не знаю?» – якобы возмутился Хрущев.

То ли Егорычев забыл о совещании в Моссовете 13 мая 1963 года, где принималось решение об увеличении этажности жилищного строительства, то ли надеется, что другие забудут. Глава книги, содержащая воспоминания самого Егорычева, пестрит подобными перлами.

А вот еще одна история. Егорычев жалуется Млечину, как после одного из заседаний сессии Верховного Совета СССР (15 июля 1964 года) они с Хрущевым присели на скамейке в Кремлевском садике и...

– Зачем Москва тратит там много электричества на освещение? – спросил Хрущев.

«Первый секретарь жил в резиденции на Ленинских горах, откуда видел весь город. В его представлении Москва купалась в электричестве», – это комментарий Егорычева.

– Никита Сергеевич, это только кажется, – оправдывается Егорычев. – В реальности некоторые районы мы освещаем очень плохо... На освещение города тратятся десятки доли процента от общей энергии потребляемой городом, основное съедает промышленность. Мы сумели поднять коэффициент...

«Не дослушав, Хрущев с недовольным видом ушел обедать... Видимо, обиделся на то, что он, Егорычев, молодой партийный руководитель, разбирается в том, что ему неизвестно».

Такая вот коллизия. Я, естественно, при разговоре в Кремлевском саду не присутствовал, а вот историю с фонарями помню хорошо. Разговор, о котором упоминает Егорычев, происходил в июле 1964 года, сразу после возвращения отца из поездки в скандинавские страны, славящиеся рациональным расходом ресурсов, в том числе и электроэнергии на освещение городов. Отца впечатлили фонари на улицах Стокгольма. Шведы снабдили их системой отражателей так, что почти весь свет падал на мостовую с тротуарами. Дома отец приводил шведскую изобретательность в назидание не одному Егорычеву. Сверху, из резиденции на Ленинских горах он действительно видел, как московские фонари, «голые» светильники освещают небо, а не улицы.

– Конечно, они, капиталисты, приучены деньги считать, а у нас... – сокрушается отец.

Для Егорычева расходы на освещение не стоившая его внимания мелочь, «десяти доли процента от общего московского потребления». Тут нечего добавить.

В заключение прокомментирую еще одно характерное воспоминание Егорычева, звучащее как самооправдание его участия в заговоре против Хрущева.

«Полагаясь на свой авторитет, Хрущев поучал всех направо и налево, – пишет Егорычев. – Однажды у своего товарища за ужином я встретился с академиком Валентином Алексеевичем Каргиным. В этот день он с коллегами побывал у Хрущева, который вызвал их для обсуждения проблем развития химии. Все они готовились к встрече, обсуждали вопросы, чтобы поставить их перед Хрущевым.

Валентин Алексеевич с возмущением рассказывал, – продолжает Егорычев – как он (Хрущев. – С. Х.) едва пригласил их сесть и сразу начал: “Вот что, дорогие товарищи ученые, я недоволен тем, как у нас развивается химия, и вы несете за это прямую ответственность”. И стал их поучать. Они сидели и ничего не могли понять, для чего он их пригласил?»

По Егорычеву, действительно получилось нехорошо. Правда, он не рассказывает, о чем и как говорили дальше, но ему это и не нужно. А если взглянуть на начало упомянутого совещания по-иному?

Академик Каргин – физико-химик, полимерщик, лауреат Ленинской и четырех Государственных премий, член Совета по науке при главе правительства (то есть при Хрущеве), отвечал в этом совете за развитие полимерного производства, выпуск лавсана, винола и мно-

гих других, только входящих в оборот материалов. Как член Совета к Хрущеву он был вхож в любое время.

С полимерами в Советском Союзе дела обстояли не лучшим образом, на исследования тратились огромные средства, а результат... Результат получали, к сожалению, от закупки лицензии у западных фирм. Ученые, в том числе и Каргин, покупке лицензий противились, обещая со дня на день внедрить собственные разработки, затягивали дело до бесконечности. Естественно, что Хрущев считал себя вправе предъявить химикам, в первую очередь своему советнику Каргину, претензии. И предъявил. Такое мало кому нравится. Каргин, естественно, понимал, что к чему, хотя в сердцах, особенно после рюмки в хорошей компании, мог и не сдержать эмоций.

Ну а выводы? Они целиком на совести Егорычева.

День за днем

5 мая 1964 года отец отправился из Ялты морем на теплоходе «Армения» с государственным визитом в Египет. Эта поездка планировалась очень давно. Президент Египта Гамаль Абдель Насер настойчиво приглашал отца, а тот никак не соглашался, препятствовала внутренняя политика самого Насера. В Египте коммунисты по-прежнему, как и при короле Фаруке, сидели в тюрьмах. В ответ на уговоры отца освободить их Насер отмалчивался, и визит раз за разом откладывали. Наконец в чем-то пошел на попятный Насер, на что-то закрыл глаза отец, но главным образом возобладали геополитические соображения.

Май 1964 года в истории Египта выдался особым. Советский Союз завершал постройку Асуанской высотной плотины на Ниле. О ней египтяне мечтали последние полтора века. Плотина обещала не только избавить страну от разрушительных наводнений, но и позволяла оросить тысячи и тысячи гектаров земли, превращала нищих феллахов в зажиточных фермеров-хлопководов.

Когда-то плотину собирались построить англичане, но молодые офицеры во главе с Насером свергли короля Фарука, британским оккупационным войскам пришлось уйти с территории Египта. Вопрос о плотине, естественно, больше не поднимался. Президент Насер начал договариваться о кредите с американцами и зависящим от них Всемирным банком. Но вскоре и тут все пошло прахом. Политика Насера Вашингтон не устраивала.

Тогда-то предложил свои услуги Советский Союз. К тому времени мы научились строить плотины не хуже американцев. Подписали договор, и работы начались. За оказываемые им услуги египтяне расплачивались своими товарами, в том числе тонковолокнистым хлопком, он в мире ценился на вес золота, а у нас в Средней Азии рос плохо.

На май 1964 года назначили перекрытие Нила – самое знаменательное событие в строительстве любой плотины. Отцу на торжествах отводилась роль почетного гостя. К тому же ожидали приезда представителей всех арабских государств. Отец решил совместить приятное с политикой, воспользовавшись случаем, пообщаться с уже знакомыми и установить контакты с новыми лидерами арабских стран.

Поездка прошла более чем удачно. Насер с отцом вместе нажали кнопку взрыва земляной перемычки. Вода Нила пошла по новому руслу в обход плотины. По такому случаю египтяне наградили высоких гостей орденами. Отцу вручили орден «Ожерелье Нила». В Советском Союзе такой наградой удостоен еще только Юрий Гагарин. Даже Брежневу «Ожерелья Нила» не досталось.

Впоследствии, тогда охраной общественного порядка ведал брежневский друг Николай Щелоков, этот орден таинственно исчез из квартиры отца в Староконюшенном переулке. Мама обнаружит его пропажу только в 1971 году, когда после смерти отца пришла пора сдавать награды в архив Президиума Верховного Совета СССР. Но это совсем другая история.

Тогда же, согласно международным обычаям, нам следовало отдариться, наградить президента Египта чем-то эквивалентным «Ожерелью Нила». Маршал Гречко, он сопровождал отца в поездке, предложил присвоить Насеру звание Героя Советского Союза, наградить его Золотой Звездой. Протоколно – решение безупречное, а вот политически? ... Оно вызвало в Москве массу толков и в чем-то скомпрометировало отца. Общественное мнение посчитало, что президент Египта, дружественного нам государства, подобной чести недостоин. Почему? Ведь это не первое такое награждение. 1 Мая 1964 года Золотую Звезду Героя Советского Союза получил находившийся в СССР с официальным визитом, президент Алжира Ахмед Бен Белла. Месяцем ранее такую же награду вручили Яношу Кадару, венгерскому руководителю. Никто и внимания не обратил, а с Насером разразился настоящий скандал. То ли КГБ постаралось, тогда уже начал оформляться заговор против отца и председатель КГБ Семичастный в нем активно участвовал, то ли отец чего-то недоучел? Я и до сих пор не понимаю.

По завершении торжеств главы всех арабских государств собрались вдали от посторонних ушей и глаз на борту президентской яхты в Красном море, где они два дня совещались с Хрущевым.

25 мая 1964 года отец самолетом возвратился в Москву.

8 мая 1964 года газеты сообщили о спуске на Балтийском заводе в Ленинграде еще одного советского супертанкера «Братислава» водоизмещением в 62 тысячи тонн.

28 мая 1964 года отец едет на ВДНХ, там открылась Британская сельскохозяйственная экспозиция. Его интересуют механизированные и автоматизированные фермы-заводы по производству куриного мяса и свинины. Собственно, ради того чтобы познакомить наших специалистов с современными технологиями, он и задумал эту выставку. Задумал еще в 1962 году, когда встречался с лейбористом лордом Руди Стернбергом, британским промышленником, хозяином четвертой в Европе по объему продаж химической компании «Стерлинг Групп». Они говорили, естественно, не о мясе, а о технологиях производства искусственных волокон, о возможности закупки лицензий и организации производства у нас. Гостя впечатлил деловой подход хозяина кабинета, и он подумал, что не только его компания может извлечь выгоду из торговли с Россией. Приятель лорда Стернберга, лорд Давид Гибсон-Уатт, в отличие от него самого, сторонник консерваторов, возглавлял Королевское общество аграриев Уэльса и занимал пост председателя Британской экспортной ассоциации мясопроизводителей. Стернберг рассказал отцу, что английские фермеры добились больших

успехов в разведении мясных пород птицы и производстве свинины, и если господин премьер-министр сочтет возможным, он переговорит со своим другом Гибсоном об организации выставки в Москве. Отец обещал подумать и в ноябре 1962 года сообщил Стернбергу о согласии. В Лондоне и Москве организовали соответствующие оргкомитеты, дело закрутилось. Крутилось оно два года, наконец договорились. Открытие выставки назначили на 18 мая 1964 года. Отец еще не вернулся из Египта и представлять себя поручил Косыгину. Алексей Николаевич произнес соответствующую речь, бегом пробежал по стендам и уехал в Кремль, там его ожидали более важные дела, чем британские цыплята-бройлеры. А вот отца бройлерное производство куриного мяса очень интересовало. У нас тогда старались извлечь из курицы, как казалось аграриям, двойную выгоду: сначала пусть она несет яйца, а потом ее пустят на мясо. В результате яиц получали не так уж много, а курятина выходила жилистой, кожа да кости. Британцы вывели различные породы: кур-несушек и мясных кур-бройлеров.

Бройлеров последней селекции и показывали отцу у стенда фирмы «Кобб». Ее основатель доктор Джон Ноулес вытащил из клетки упитанную птицу и протянул ее гостю.

– Хороша курочка, килограмма на два потянет, – одобрительно произнес отец.

– Это петух, господин премьер-министр, – поправил его доктор Ноулес.

– Неправда, – возразил отец, – какой это петух без гребешка?

У птицы действительно отсутствовало главное петушиное украшение. Доктор Ноулес пояснил, что в процессе селекции уникальной быстрорастущей мясной породы бройлеров петушиный гребешок как бы усох.

Отец его внимательно выслушал, потом перевернул птицу вверх лапами, раздвинул в соответствующем месте перья и убедился, что англичанин говорит правду. Тем временем доктор Ноулес рассказывал, что их бройлер за два месяца, при расходе двух килограммов кормов, набирает полтора килограмма веса, а на семидесятый день весит 2 килограмма 150 граммов. Дальнейший откорм становится невыгодным, птицу реализуют. Отец владел этой информацией, но цифры его все равно впечатлили.

Ему очень захотелось заполучить пару британских бройлеров на развод, и он предложил доктору Ноулесу обмен: тот подарит ему петушка с курочкой, он-де сам будет их пасти на даче, а отец ему – их общую фотографию с автографом. Толпившиеся вокруг них журналисты защелкали камерами. Джон Ноулес поколебался секунду и согласился, они ударили по рукам.

Следующая остановка у стенда фирмы, выращивающей индеек. Пояснения давал профессор Эдинбургского университета Джорж Клейтон, генетик, он консультировал многие компании, в том числе «Кобб» и «Британских производителей индюшатины».

У меня хранится фотография с автографом отца, он держит в руках петушка-бройлера. Другая, уже без автографа, его, стоящего под муляжом туши индейки размером в человеческий рост и слушающего объяснения Кейта Геббса, директора фирмы «Британская объединенная индейка». Слева, чуть поодаль, – доктор Клейтон. В 2008 году эти фото мне прислали из немецкого отделения фирмы «Кобб», они процветают, чтут свою историю,

помнят о выставке и визите Хрущева на их стенд в июне 1964 года. С того времени у фирмы установились прочные и выгодные торговые отношения с Советским Союзом. Историю посещения отцом Британской выставки я тоже пересказываю с их слов, вернее, по их архивным записям.

Индейками отец не заинтересовался, дослушав пояснения мистера Геббса, он буквально впился в Клейтона, подробно расспрашивал, как он, университетский профессор, взаимодействует с частными фирмами, кто дает заказы, кто оплачивает, как внедряют результаты. И вообще, как строится взаимодействие фирмы с университетом?

По возвращении с выставки в Кремль отец в течение часа беседует с издателем «Британской энциклопедии» У. Бентоном.

На следующий день, 29 мая 1964 года, так записано в истории фирмы «Кобб», на их стенде появился невысокий человек (я думаю подполковник Коротков из охраны отца). Он вручил доктору Ноулесу обещанную фотографию с автографом и, показав на пару картонных коробок, которые принес с собой, осведомился, каких цыплят он может получить взамен. Ноулес расчувствовался и вручил ему не пару, а трех бройлеров: петушка и двух курочек. Посланец не спешил, начал дотошно выпрашивать, чем и как часто кормить птиц, попросил дать ему образцы рациона. Получив то, что хотел, он заверил, что отвезет бройлеров прямиком на дачу Хрущева. Но они попали не в Горки-9, а на племенную птицефабрику в Подмосковном Загорске (Сергиевом Посаде). В фирме «Кобб» считают, что с этой троицы, обозначенной в их каталоге как порода «Кобб-100», в Советском Союзе началось промышленное выращивание бройлеров педегринской породы. Так ли это, я не знаю, в те годы отец общался не только с доктором Ноулесом, но и с производителями мяса из США, Германии и даже Австралии и у всех старался позаимствовать самое лучшее. Но и сомневаться в правдивости архивных записей фирмы «Кобб» тоже нет ни малейших оснований. Кому-то довелось стать прародителями советской бройлерной индустрии. Так почему не троице породы «Кобб-100»?

Свой разговор с английскими селекционерами отец запомнил, он упоминает о нем в записке Президиуму ЦК о путях развития сельского хозяйства, возвращается к нему при обсуждении стратегии развития науки в нашей стране. Об этом речь пойдет ниже.

Вечером 3 июня 1964 года отец в Концертном зале Чайковского слушает «Поющие голоса Японии».

7 и 8 июня 1964 года отец в Ленинграде, где встречается с путешествовавшим по Европе президентом Югославии Тито. Они обсуждают какие-то дела, любуются фонтанами Петергофа.

9 июня 1964 года переходом из Ленинграда в Москву, безымянный грузовой теплоход открывает судоходство по реконструированной, вернее заново отстроенной, Волго-Балтийской системе каналов и шлюзов.

10 июня 1964 года отец выступает на открытии памятника Тарасу Шевченко, установленному в сквере на набережной Москвы-реки у входа в гостиницу «Украина».

«15 июня 1964 года по указанию министра культуры СССР т. Фурцевой Е. А. в Центральном выставочном зале московского Манежа открылась выставка художника Ильи Глазунова. Открытие выставки не согласовывалось с МК КПСС и состоялось в противовес мнению творческих

организаций художников», – докладывает секретарю ЦК КПСС Ильичеву заведующий Отделом культуры Поликарпов.

34-летний Глазунов, участник печальной памяти манежной истории, стремительно набирал известность. Рисовал портреты своих и, что вызывало особую, зависть коллег по творчеству, иностранцев, от французского академика-физика Фредерика Жолио-Кюри до нашего писателя Федора Панферова. Картины его шли нарасхват. А тут еще эта выставка! Она привела в бешенство руководство не только Московского, но и Общероссийского союза художников, всех его маститых и заслуженных членов. Они и побежали в ЦК жаловаться на Глазунова и его «заступников».

«Организация персональной выставки работ Глазунова в Манеже явление беспрецедентное, – возмущается в записке Поликарпов. – До сих пор в этом зале не устраивались персональные выставки даже крупнейших советских художников...

При организации выставки в Манеже не учли нездоровый сенсационный интерес, возбуждаемый вокруг Глазунова отдельными меценатствующими литераторами, Сергеем Михалковым, Сергеем Смирновым, Василием Захарченко, Антониной Коптяевой, а также некоторыми органами печати», – и так далее. Возмущение «крупнейших советских художников» не имело границ, они «жаждали крови».

Под их давлением Поликарпов просил свое начальство потребовать от Фурцевой объяснений, «строго указать газетам, в том числе “Правде” и “Известиям”, на необходимость более строгого отношения к оценкам и поддержке тех или иных явлений искусства» и вообще принять строгие меры.

Одновременно с запиской Поликарпова в ЦК пришло донесение из КГБ. «Используя недозволенные приемы саморекламы, Глазунов способствовал созданию обстановки нервозности и ажиотажа на выставке, – пишет Семичастный. – Среди части посетителей распространен слух, что Глазунов – “мученик”, “борец за свободу”, которого не признают в Московском отделении Союза художников».

«Выставка эта – удар по нашим художникам иезуитами», – цитируется одна из записей в книге отзывов.

«19 июня намечалось обсуждение творчества т. Глазунова. Обсуждение отменили. Однако собравшиеся посетители, в основном молодежь, поклонники творчества Глазунова, отказались покинуть зал и, усевшись на полу, криками в течение нескольких часов требовали открытого обсуждения. Ряд иностранных корреспондентов отправили за границу тенденциозное сообщение о выставке».

И все, никаких выводов, никаких предложений, только подпись: «Председатель Комитета госбезопасности В. Семичастный».

Кроме Ильичева, оба документа прочитали Суслов и другие секретари ЦК, но решать ничего не стали, посоветовали Леониду Федоровичу дожидаться Хрущева. Заговор против него к тому времени уже набирал видимые очертания, и скандал с художником (Суслов в число заговорщиков не входил) оказался бы очень к месту.

Однако скандала не получилось. Отец, не перебивая, выслушал доклад Ильичева, оставил жалобу «художников» без последствий. Ильичев его

охотно поддержал, он и сам принадлежал к числу тех, кого в записке называли «меценатами художника».

18 июня 1964 годы вошла в строй первая очередь Криворожского Северного железорудного горно-обогачительного комбината.

В июне выходят в свет воспоминания генерал-полковника Горбатова. Его посадили без объяснений причин, а потом так же, без объяснений, выпустили, назначили командиром корпуса и отправили прямиком на фронт воевать с немцами. Он пишет не только о войне, но и о своем аресте перед войной, о «прелестях» сталинских лагерей. После «Ивана Денисовича» Солженицына – это, по тому времени, самая сильная по воздействию на читателя «лагерная проза».

1 июля 1964 года в Советском Союзе впервые разыгрывается лотерея «Спортлото».

8 июля 1964 года отец традиционно выступает на приеме в Кремле по случаю очередного выпуска военных академий. Он вновь говорит о необходимости сокращения Вооруженных сил и военных расходов, перераспределении высвобождающихся ресурсов на производство товаров народного потребления и строительство заводов химических удобрений. Присутствующие ему вежливо аплодируют.

10 июля 1964 году к отцу в гости приходит скульптор Сергей Тимофеевич Коненков. Он стар, ему девяносто лет, он знаменит, и от отца ему ничего не надо.

«Он, – как рассказал вечером отец, – просто хотел пожать мне руку».

Отцу от Коненкова тоже ничего не надо, ему, в свою очередь, любопытно и лестно повстречаться с «живой легендой», и он с удовольствием пожимает протянутую руку.